

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПРЕЗРЕНИЯ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается специфика средств передачи значения пренебрежительности в английском, русском, даргинском и турецком языках.

Ключевые слова: оценочность, дерогативность, метафора.

В большинстве современных европейских культур преобладают слова с отрицательными оценочными признаками. Психологическое объяснение причин подобной ассиметрии может заключаться в том, что отрицательные стороны бытия воспринимаются человеком намного острее, чем положительные факторы, которые рассматриваются как естественные, нормальные, а потому менее эмоционально [1, с. 37–41]. В.Н. Телля отмечает, что мораль человеческая склонна скорее клеймить позором, нежели «возносить на небеса». Не исключено, что именно библейская культура способствовала такому положению вещей, ибо сказано: «Не сотвори себе кумира» [2, с. 60].

Дерогативность пронизывает все слои человеческой жизни. Источником дерогативности является сам человек со всеми его недостатками характера, внешности и порождаемой им социальной действительности. Дерогативы – это слова негативной оценки, со значением пренебрежительности, презрительности, уничижительности. Негативная оценка предназначена для воздействия на адресата, цель которой – вызвать у последнего определенное психологическое состояние, отрицательную эмоциональную реакцию.

Лексико-семантические средства выражения значения презрения занимают одно из центральных мест в системе эмотивных средств языка, поскольку лексика языка располагает огромными возможностями для передачи информации в ее тончайших смысловых и стилистических оттенках.

Во всех исследуемых языках мы находим огромное количество лексических единиц, само значение которых содержит элемент дерогативной оценки. Ср.: (англ.) *moron, bummer, babler, louse, rabble*; (русс.) *подхалим, пустозвон, брюзга, крохоборство, разгильдяй*; (дарг.) *пандук «чурбан», агъзин «лентяй», авлия «тупица», хЯрамзаде «негодяй», шишахрукI «гнилой человек», iÿđiÿđ «болтун»*; (турец.) *yaltak(đi), mizmiş «придира», tembel, fırlak gözlü, alçak(đi), asalak(đi) «тунеядец»* и т. п. Слова этой группы обычно однозначны; заключенная в их значении оценка настолько явно и определенно выражена, что не позволяет употребить слово в других значениях; например: англ. – *skinflint, soak, cut-throat, lazy-bones*; рус. – *стукач, торгош, тугодум*; дарг. – *къянчихъ «подлец», тукку «тупица»,* турец. – *haylazlık etmek, kalın kafa/kafalı*.

Вторую группу составляют многозначные слова, которые в своем прямом значении стилистически нейтральны, однако в переносном значении наделяются яркой эмоциональностью. Так, о человеке определенного характера можно сказать: *тюфяк, тряпка, шляпа, дуб, змея, болото* (об общественной группе); *frog* (о французе), *drip, trash, shit, monster, viper, dodhopper, cow, gang, swine*; дарг. – *ччиккуккук, mIepxI, шулерк* (об очень худом человеке), *амхIe*; турец. – *gevsek /iradesiz kisi, asalak(đi)*.

* © Рамазанова А.Х., 2010

Рамазанова Аминат Хабибовна (amina-kh@mail.ru), кафедра общего и сравнительного языкознания Дагестанского государственного университета, 367000, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Гаджиева, 43а.

Третья группа – это слова, в которых эмоциональность достигается аффиксацией, большей частью – суффиксами субъективной оценки: *человечишка, нахалуго, презитентишка, грязнуля; sponger, bully, drunkard, miser, mocker, scare-monger, kiddo*; турец. *°i°ko* «толстуха», *°erefsiz* «подлец». Однако это явление не столько собственно лексическое, сколько словообразовательное.

Эмоции универсальны, а структура эмотивной лексики не совпадает в разных языках, имеет национальную специфику. Например, обиходная русская речь не щадит даже собственные ценности, что уж тут говорить о чужих. В речевой практике глубоко укоренилось насмешливо уничижительное использование традиционных русских имен, как правило, с негативным смыслом «дурачок, неумный», ср.: Эх ты, *ваня!* (*леха, степа, федя, вася*). Иногда в этом же значении используются даже и имена в полной форме, с усилением иронического, насмешливо-презрительного отношения к человеку («глупец, неумный, недалекий человек, деревенщина»): *иван, степан*. То же и с женскими именами: *маруха, марушка, дунька, матрена* и др. Такой же случай употребления традиционных имен с целью выражения пренебрежительного отношения к человеку встречается в частности и в цудахарском диалекте даргинского языка, где, например, женское имя «*Сайгибат*» нередко употребляется как нарицательное в значении «неумеха, дура», «*важа Бика*» в значении «грязнуля»; «*уччу Мямма*» в значении «выпивоха»; «*лагъзилла Салимат*» в значении «транжира»; или же «*ванкьу Панá*» в значении «неуклюжая, неумеха». В турецком языке *inek^a aban* (букв. Шабан-корова) означает «корова», неумелый человек. Однако необходимо отметить тот факт, что при всем сходстве данного языкового явления в турецком и даргинском языках имена собственные используются для передачи дерогативной оценки индивида только в сочетании с прилагательными с отрицательной коннотацией.

Что же касается английского языка, то здесь также имеет место подобный случай. Однако в силу специфики данного языка, часто неопределенный артикль перед именем или фамилией ничем не примечательного человека дает презрительное указание на какие-нибудь дурные черты носителя этого имени или фамилии. Так, Д. Элиот в романе «Мельница на Флоссе» неоднократно говорит о сестрах Додсон «*she was a Dodson*», сатирически разоблачая жестокое, чванливое и предельно ограниченное мещанское семейство, их самодовольство и нелепые претензии.

Средством создания дерогативной оценки, характерной для всех рассматриваемых в данной работе языков, является метафоризация лексики. Метафора является одним из основных средств, с помощью которых создается образность, экспрессивность, оценочность и на основании этого выявляется индивидуально-оценочное отношение субъекта к предмету мысли. Так, стилистически нейтральные слова, употребленные как метафоры, получают яркую экспрессию: *dirty dog* «подлец», *магъмун чакъа* «тупица», *хIянчIё мацца* «тряпка» (о слабовольном человеке). Отрицательные коннотации усиливаются постоянными эпитетами и эмфатичными конструкциями: *you impudent pup, you filthy swine, you lazy dog*.

Эмоциональная оценочность метафоры является результатом актуализации оценочных сем коннотативного аспекта значения слова. Так, отрицательная эмоциональная оценочность метафоры «*weed*» – «тощий, долговязый человек» является результатом актуализации коннотативных сем исходного значения слова – «сорняк».

Семантическая двуплановость как инвариант всех существующих теорий метафоры определяется тем фактом, что гетерогенность и гипотетичность различных объектов выражены в метафоре синтезом двух различных смыслов – «не есть» и «похож» [9, с. 154]. Лингвистическая традиция соотносит реализацию семантической двуплановости метафоры с контекстом, который является ключом к пониманию значения метафоры. Поэтому для рассмотрения оценочности как компонента значения в се-

мантике метафоры важна не только семантика отдельного слова, но и семантика слова в контексте. Контекст может нейтрализовать дерогативную и положительную оценку, и наоборот, нейтральная оценка может в контексте трансформироваться в дерогативную или положительную оценку. Источником модификации оценочного значения становится перестройка значения метафоры в контексте. В таких случаях слово, обозначающее некоторый объект действительности, подвергается двухъярусному семантическому изменению: происходит актуализация эмоционально-оценочного компонента значения и замена знака данного компонента на противоположный, например: — «A little *bird*», he said archly (little bird — «мелкая сошка»).

В метафоре заключены не только образное представление и информация об оценке, но и выражение некоторого чувства — отношения, осознанной эмоции, например, презрения, уничижения, а также стилистическая окраска.

Метафора выступает в качестве средства оценки тех или иных качеств — черт характера, внешности, социального статуса, уровня образованности, пола, возраста, эмоционально-психического состояния:

— That child is a *pig* and a *beast* (*pig* — «свинья», «неряха»; *beast* — «упрямец»).

— Don't be an *ass* [10, с. 275] (*ass* — «осел», «глупый человек»).

— He had no real evidence that Oliphant was a *bully* [11, p. 172] (*bully* — «задира», «хвастун»).

— *Richards isn't a brute* [11, p. 385]. (*brute* — «скотина», «тупой человек»).

— *He should have looked the arrogant bastard in the face and spoken the truth, even if it had cost him his stripes* [11, p. 280]. (*bastard* — «ублюдок»).

— The *witch's* voice was cool. [11, p. 135] (*witch* — «ведьма», «злая женщина»).

— Not that Mrs. Archer had been afraid of him — a real *tartar* she could be when roused [10, p. 31] (*tartar* — «мегера», «фурия»).

Информация о сходстве человека с некоторым другим объектом, имплицитная в семантике метафоры через семантический признак, отражающий функцию объекта, есть в то же время средство выражения оценки деятельности человека или его социальной роли, например: *windbag* пренебр. «болтун, пустомеля»; *tool* презр. «орудие (о человеке), марионетка»; дарг. *бахлун бихала* презр. «тряпка, слабовольный человек»; турец. *gev°ek / iradesiz ki°i* презр. «тряпка».

Однако следует отметить, что оценочность метафоры имеет национально-культурную специфику, которая обуславливает несовпадение картин мира и тем самым отличие в метафорическом переосмыслении ряда значений. Разные языки находят в животных и растениях отличные свойства и качества, которые за ними закрепляются и переносятся на человека для его образной оценки. При анализе эмпирического материала нами было выявлено, что выбор зооморфного образа для реализации той или иной метафорической модели, характеризующей человека (указания на конкретные особенности внешности, черты характера, поведения), избирателен. Ср., в турецком языке для указания на красоту и стать молодого человека используется метафора *koç yidit* (сравнение с бараном), в то время как в русском и в даргинском языках образ «барана» выступает как символ глупости. В метафорах, свойственных всем четырем языкам, мы находим сходства и различия в основании оценки (см. таблицу).

Различное в процессах метафоризации проявляется в следующих соотношениях между значениями тождественных зооморфных номинаций в разных языках:

а) несовпадение переносных значений зооморфизма и / или свойственных ему оценочных коннотаций при общности основания для метафорического переноса. Например: *медведь* «о неуклюжем, неповоротливом человеке», *ауи* «грубый, неотесанный человек», *bear* «злой, грубый, уродливый человек», *синка* «тучный, жирный человек». В турецком и английском языках у слов *ауи* и *bear* развивается оценочность, которой

в русской параллели *медведь* и в даргинской — *синка* нет. Турецкое *Ayi* и английское *bear* содержат оценку внутренних качеств человека (характеристику особенностей воспитания и поведения), в то время как русское *медведь* и даргинское *синка* характеризуют в основном особенности внешности.

б) полное несовпадение семантических компонентов, составляющих вторичное значение зооморфной лексической единицы. Ср.: *коза* «о взбалмошной женщине / девушке» — *кьяца* «о непоседе» — *кесі* «об упрямце».

Таблица

Языки			
Английский	Русский	Даргинский	Турецкий
1. Bear — <i>злой, грубый, уродливый</i>	Медведь — <i>Неуклюжий, неповоротливый</i>	Синка — <i>тучный, жирный</i>	Ayi — <i>грубый, неотесанный, невоспитанный</i>
2. Goose — <i>глупый, легкомысленный</i>	Гусь — <i>ненадежный, хитрый, пройдоха</i>	Къваз — <i>высокомерный</i>	Kaz — <i>наивный</i>
3. Pig — <i>жирный</i>	Свинья — <i>неряха, грязнуля</i>	ТерхI — <i>гнилой</i>	Domuz, alçak — <i>подлый</i>
4. Beast — <i>грубый, ужасный</i>	Животное — <i>грубый</i>	XIяйван — <i>невоспитанный</i>	Наувани, hauvanca — <i>низменный</i>

Таким образом, дерогативная оценка преобладает и в субстантивных метафорах. В целом исследование средств выражения дерогативной оценки в различных языках представляется нам весьма актуальным.

Библиографический список

1. Ретунская М.С. Условия формирования оценочных номинаций в процессе коммуникации // Вестник Харьковского университета. 1987. № 312. С. 37–41.
2. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б. Современный русский язык. М.: Айрис-пресс, 2002. 448 с.
4. Мюллер В.К. Большой англо-русский словарь. 5-е изд., стереотип. М., 2006. 832 с.
5. Мусаев М.-С. Лексика даргинского языка (сравнительно-исторический анализ). Махачкала: Изд-во ДГУ, 1978. 175 с.
6. Щербин В. Г. Большой русско-турецкий словарь. 4-е изд., стереотип. М.: Живой язык, 2006. 680 с.
7. Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 708 с.
8. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Л., 1981. 296 с.
9. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. 214 с.
10. Christie A. Selected Detective Prose. M.: Raduga Publishers, 1989. 400 p.
11. James P.D. Devices and Desires. London: Faber and Faber Limited, 1989. 408 p.

*A.Kh. Ramzanova****LEXICO-SEMANTIC MEANS EXPRESSING THE MEANING OF CONTEMPT
IN DIFFERENT LANGUAGES**

The article is devoted to some peculiarities of means expressing contempt in English, Russian, Dargin and Turkish.

Key words: evaluation, derogation, metaphor.

* *Ramzanova Aminat Khabibovna* (amina-kh@mail.ru), the Dept. of General and Comparative Linguistics, Dagestan State University, Makhachkala, 367000, Russia.